

**Алексей
КОНДРАТЕНКО,**
кандидат политических наук

«МЫ ШЛИ ПОД ГРОХОТ БАРАБАНОВ...»

1920-е годы — невиданный в мировой практике эксперимент по строительству «новой жизни». Нашим предкам довелось стать участниками такой социальной ломки, которая, казалось, не оставила камня на камне от прежней России. Немало новаций появилось и на Орловщине. Заглянем в старые книги и газеты, попытаемся увидеть, как это было.

Борьба шла в первую очередь против церкви как носителя другого мировоззрения и образа жизни. Изменить психологию крестьян одними запретами невозможно, это хорошо понимали идеологи большевистской партии. Они стремились к замене религиозных традиций и обычаев на советские, коммунистические. Ожесточённая борьба шла и против «бывших»: торговцев и кулаков не только лишали избирательных прав, в печати их называли не иначе, как «мироед», «кровосос-паук», «паукообразный нэпач»; симпатизирующих им именовали «подкулачник», «кулацкий приспешник» и т. д. Например, летом 1925 года в «Орловской правде» была напечатана реплика «Новое гнёздышко пауков»:

«У Красного моста [в Орле], со стороны 2-го района, приютилось и стало расти некое учреждение, на котором имеется большая надпись «Труженик». А в учреждении этом работает артель по фабрикации обуви. Заглянул к «труженикам» инспектор труда...

Где правила внутреннего распорядка? Искали, искали и «по тщательному розыске» обнаружили таковые под разными объявлениями. Наёмные рабочие работают сверхурочно. Зарплата задерживается систематически на 5–7 дней, спецодежда не выдана: соцстрахование не выплачено».

Пропагандистский механизм формировался как совершенно разноликое сочетание новых форм («красные свадьбы», «октябрины» — вместо крестин) и старых форм (народные гуляния, похоронные ритуалы, но теперь уже в коммунистическом духе), зарубежных новинок (отзвук несостоявшейся мировой революции), фантастических феерий (использование авиации, красочных воздушных змеев и т. д.).

В полную меру использовался психологический потенциал такой трагической

ситуации, как голод в Поволжье. Например, 6 мая 1922 года в местной печати была опубликована резолюция 1 губернской беспартийной конференции работников и крестьянок. Они призвали население губернии «взять на прокорм до нового урожая каждым 3 жителям 1 голодного... Мы заявляем всему духовенству нашей губернии, что изъятие ценностей из церквей ничуть не оскорбляет наших религиозных чувств... С настоящей конференции мы снимаем с себя имеющиеся у некоторых из нас обручальные и серебряные кольца, серьги и др. ценные предметы и передаём эти вещи в комиссию помощи голодающим. Мы не какие-то людоеды и дикари, чтобы носить золотые и серебряные украшения, когда в Поволжье умирают с голоду миллионы детей» (далее следовал список: кто именно из делегатов пожертвовал какие украшения).

Начало мощнейшей агитационно-пропагандистской акции положила смерть В.И. Ленина. Всё это было началом становления культа вождя — в последующие десятилетия многое в судьбоносных решениях руководства СССР оправдывалось верностью ленинскому курсу. Не случайно уже в первых публикациях орловских газет по поводу его смерти рефреном стало утверждение о том, что «Ленин вечно живой». Крестьяне Тельченской волости писали в газету: «Дорогой наш Владимир Ильич, мы пали душой при вести о твоей кончине. Но завтра же мы сказали: пусть буржуазия всех стран не питает злобных

надежд на развал после твоей смерти нашего великого, начатого тобой дела. Партия большевиков гордо и смело поведёт нас вперёд по намеченному тобой пути» (Орловская правда, 1924, 24 февр.).

«Орловская правда» напечатала заметку о том, что в преддверии годовщины со дня рождения вождя железнодорожники решили отныне в воскресенье работать, а отдыхать в понедельник и назвать его «Днём Ленина»:

«На общем собрании рабочих службы тяги ЮВЖД обсуждался вопрос о еженедельном праздновании дня смерти Ленина.

Воскресенье работать, а днём отдыха считать понедельник.

Правильно! Не нужно нам воскресенья!

Не по пути нам с попами!

Нам дорог наш вождь Ильич. Он жизнь свою отдал на освобождение рабочих и крестьян!

Праздновать понедельник!

Шум разрастается.

Ставьте на голосование!

Голосуй!

Председатель успокаивает собрание:

Кто за то, чтобы днём отдыха считать день смерти Ленина, а воскресенье работать?

Взметнулись кверху рабочие руки.

Только один не поднял.

Постановили:

Воскресенье работать, днём отдыха считать понедельник и назвать его «День

Ленина» (Орловская правда, 1924, 19 апр.).

А вот как происходило в Орле празднование, к примеру, 1 мая 1925 года:

«К одиннадцати часам дня все профсоюзные организации, войсковые части, пионеры, детдома и школы уже загрохотали площадь Карла Маркса. Браваурные звуки духовых оркестров, треск барабанов, крики «ура!», возгласы военной команды, сплошным гулом плыли над многотысячной массой. Алые знамёна и плакаты звали трудящихся к мировой солидарности, посылали проклятия всем угнетателям зарубежных рабочих и крестьян... Автомобили, переполненные звонкими малышами, сновали по городу, громыхали трамвайные вагоны, разносившие революционные песни, исполнявшиеся детвойрой... Отряд крошечных спортсменов. Юноши и девушки группы «Сокол» в голубоватой униформе...

Автомобиль весь в алых знамёнах и флажках. На площади Коминтерна (ныне сквер Гуртьева. — **А.К.**) у трибуны красуются самолёт «Спат» и змей «Хорграф». Плакат на пропеллере зовёт:

Крепче ряды друзей — строителей воздушного флота!

Плакаты пионеров:

Многомиллионная армия — лучший памятник Ленину!

Взлетели в бирюзовую вышину два змея, и прокатилось по площади многоголосое «ура!». Окончен «Интернационал», начали «Первомайский гимн», затем «Слава труду», «Рабочий гимн», «Кузнецы», «Молодая Гвардия» и опять «Интернационал».

Ура-а-а!.. — рвётся гулкий крик, и в воздухе мелькает человеческая фигура. Ещё и ещё. Это комсомольцы качают товарищей. Затею комсомольцев тотчас подхватили пионеры, за ними школьники, а затем профсоюзы.

Началась церемония приведения к присяге молодых красноармейцев... Выступления [К.Л.] Гринблата (руководитель губкома партии. — **А.К.**), Мазурова, [М.И.] Литвина (пред. Губпрофсовета), Макарова (комсомол), крестьянина Платонова, пионера Овсянникова (деревенский пионер, он пришёл в Орел за 30 вёрст, чтобы передать рабочим первомайский привет деревни. — **А.К.**), железнодорожника Банкевича, металлиста Краличкина, крестьянина Морозова, Прокопенко (РККА), [К.Я.] Дирика (появление тов. Дирика на трибуне вызвало несмолкаемые аплодисменты и крики «ура!»). Долго не мог тов. Дирик начать свою речь. Площадь рукоплескала, заглушала призывными криками).

После митинга состоялся парад воинских частей, физкультурников и пионерских отрядов. У братских могил (ныне сквер у библиотеки им. Бунина. — **А.К.**) колонна остановилась, чтобы почтить память павших товарищей в борьбе с врагами рабоче-крестьянского союза, и затем, под звуки оркестров, пройдя к памятнику В.И. Ленина, расплескалась по улицам и переулкам мелкими отрядами».

А вот иное идеологическое действие, происшедшее всего за месяц до Первомайского праздника. 5 апреля 1925 года «Орловская правда» опубликовала репортаж о демонстрации протеста в Орле против убийства революционеров в Польше.

Газета вышла с броским, крупным многострочным заголовком: «Многотысячная демонстрация протеста. Панская Польша ответит нам за кровь революционеров! Митинг протеста против зверского убийства польских революционеров коммунистов тт. Багинского и Вечоркевича».

Далее следует собственно текст репортажа:

«З часа дня. Гудки на фабриках и заводах г. Орла. Эхо прокатилось далеко-далеко. Из ворот фабрик и заводов густыми массами высыпают рабочие. От станка, не умывшись, металлисты, текстильщики, грузчики, кожевники, печатники... Сотни и тысячи спешно строятся в колонны у своих проф[союзных] знамён, и бесконечный поток движется к месту сбора, на площадь Карла Маркса.

Плакаты кричат:

Красная армия готова выполнить свой долг!

Долой белый террор в Польше! Долой гнусных палачей, убивающих безоружных пленников! Да здравствует международное общество помощи революционерам!

Мы требуем жестокой расправы с польской охранкой за гнусное убийство тт. Брагинского и Вечоркевича!

К ответу палачей! Проклятие палачам трудящихся!».

Звучали традиционный «Интернационал», похоронные марши, были минута молчания, выступления с балкона здания губкома (ныне здание управления Центробанка. — **А.К.**).

Ещё пример. На Пасху в 1925 году комсомольцы Малоархангельска решили провести «похороны бога». Колонна молодёжи прошла по улицам города с антирелигиозными лозунгами, а позади плелась кляча, запряжённая в старый катафалк, на котором была укреплена большая лубочная картина «Лик божий», перечёркнутая накрест двумя широкими чёрными полосами. Внутри катафалка стоял большой пустой гроб...

Таким было одно из проявлений «культурной революции». В орловском Центроклубе в марте 1922 года состоялся «литературно-общественный суд» над местными театрами. Обвинительный акт гласил: «Орловские театры в лице своих идейных руководителей не оправдали возложенного на них общественного доверия». В вину им были поставлены «безыдейность репертуара и неумелая режиссура»

А вот как писали газеты об отношении к «старой культуре» (май 1925 года): «На последнем собрании общества краеведения т. Португалов сделал доклад об «Орловских писателях». Докладчик обосновал возможность подхода к затронутому докладом вопросу с краеведческой точки зрения... Проф. В.Н. Хитрово сказал, что описание Орловской природы у Тургенева слишком поверхностно. Он своими описаниями обессмертил дворянина, не знающего природы. В доказательство проф. Хитрово привёл пример, что при выпуске сборника по описанию природы Орловского края составители не могли найти ни одной цитаты из произведений Тургенева, которой можно было бы украсить сборник».

Столь максималистские оценки по прошествии десятилетий нередко вы-

глядят откровенными курьёзами. Ещё один пример такого рода — заметка под рубрикой «Театр и кино» о выступлении в августе 1926 года в кинотеатре «Аквариум» (ныне территория Детского парка в Орле. — **А.К.**):

«Сверх программы выступили исполнительница русских народных песен Русланова и рассказчик юморесок собственного сочинения артист Малога Московского академического театра Лебедев. Пожалуй, что и не «народные» русские песни исполняла Русланова, и не народную русскую музыку пришлось слышать. Это — «под лубок», это «в манере» народных русских песен, но не народные подлинны русские песни. Нельзя отнять у исполнительницы голоса и умения им владеть». Знал бы автор — сотрудник «Орловской правды» Николай Васильев, что второй приезд Руслановой в Орёл в 1943 году будет увековечен мемориальной доской на фасаде гостиницы «Орёл»...

Была в местной прессе и ещё одна «зубодробительная» рубрика — публиковались фамилии тех, кто исключён из партии, получил взыскание и по какой причине. К примеру, в 1927 году было напечатано такое извещение: «Губернский дисциплинарный суд в заседании от 5 февраля рассмотрел дело по обвинению директора завода им. Медведева Денисова Ивана Николаевича в проступке, дискредитирующем положение должностного лица, выразившемся в появлении в общественном месте в нетрезвом виде, и вынес постановление: тов. Денисову Ивану Николаевичу объявить выговор с опубликованием в печати».

Увлечение большевиков массовыми действиями, граничившими с экзальтацией, только на первый взгляд может показаться случайным и непродуманным. Проблема заключалась в том, что основная масса инертного населения провинции была абсолютно глуха к чуждым и радикальным явлениям. Характерный пример в этом плане — «Письмо граждан Орловской губернии, кустарей, рабочих и крестьян Сталину И.В.», датированное 29 апреля 1926 года. Некий «уполномоченный Орловской губернии» Чубаров, высказав категорическое несогласие с кощунственным отношением представителей новой власти к храмам и кладбищам, писал руководителю партии и государству: «Меньше надо водить ребят с барабанами, а учить их больше труду, порядку, бережливости, вежливости, человечности и наукам. Просим прекратить глумление над религией и поругание верующих (нас ведь 90 %) и антирелигиозные выпады со стороны комсомольцев, пионеров... Просим агитации примером, жизнью, делом строительства, а не словами, красными флагами и плакатами».

Власть в 1920-е годы старалась «поднять ярость масс», убедить людей в правильности проводимой политики. Именно шумные митинги и демонстрации выполняли эту роль, к тому же они были крайне удобны для предъявления центральному руководству в качестве итогов «много-трудной работы» партийного актива. О том, что всё это может весьма болезненно сказаться на общественном сознании в долгосрочной перспективе, тогда вряд ли кто задумывался.